

Голубые горы и воды, задернутые занавески маленькой повозки, влажная кожа и лёгкий сон в объятиях... Жун Лоюнь вспомнил вчерашний день, и сердце его согрелось, но он хотел холодно бросить колкость:

— Я живу здесь один, и ничего не изменится.

Хо Линьфэн, казалось, ждал этих слов:

— Если перед сном немного помассировать, то судорог не будет.

Небо было чёрным, как чернила, Жун Лоюнь сидел на циновке под навесом, сложив ноги, как ученик на уроке. Хо Линьфэн присел напротив, в той же позе, что и в прошлый раз, когда перевязывал рану.

Жун Лоюнь старался сохранять достоинство, скрывая лёгкое волнение под этой внешностью. Затем край его одежды был взят большой рукой, аккуратно приподнят, и его лодыжка была взята в ладонь.

Хо Линьфэн снял белые туфли, затем носки, и закатал мягкие штаны до колен. В его руке оказалась узкая, изящная ступня с округлыми пальцами, стройная и крепкая нога, с явно розовыми лодыжкой и коленом.

Он спросил:

— Не холодно?

Тот покачал головой, но пальцы ног слегка сжались.

Рука двинулась от лодыжки вверх, грубая от мозолей, вызывая лёгкий зуд и слабую боль, остановившись на икре, чтобы начать массировать. Пальцы раскрывались и сжимались, добавляя силу, и он довёл ногу Жун Лоюня до красноты, до тепла, так что та нога незаметно упёрлась в его колено, словно он покорялся.

— Ду Чжун.

Позвал его Жун Лоюнь.

Он ответил:

— Да.

Не поднимая глаз.

Жун Лоюнь сказал:

— Полегче.

Этого было достаточно, остановись, — эти заранее подготовленные слова застряли в горле, не находя выхода. Он выглядел так, будто никогда не видел ничего подобного, наслаждаясь теплом и болью, исходящими от этой руки, покалывающими, проникающими по нервам и костям прямо в сердце.

Он даже не мог сидеть прямо, упираясь руками в пол, откинувшись назад, так что нефритовая корона на голове едва не упала. Внезапно большая рука Хо Линьфэна обхватила его икру,

сильно и резко сжав. Он потерял душу, потерял разум, его локти подкосились, и он упал на пол.

Хо Линьфэн, увидев это, не смог сдержать смеха.

Жун Лоюнь, ошеломлённый, смотрел на балки потолка, видя гнёзда сорок и комки грязи на их дне, затем тень мелькнула, и он увидел Хо Линьфэна. Хо Линьфэн наклонился над ним и протянул руку.

Он отвернулся, щекой касаясь холодного пола, дрожа от холода. Не взяв руку, он повернулся на бок, встал на босые ноги и быстро отступил в зал.

— Массаж окончен, ты больше не нужен.

Это было его поведение, как снять мост после переправы, убить осла после того, как он сделал свою работу.

Хо Линьфэн сказал:

— Тогда я вылью рыбу в цветочный чан и уйду.

Деревянное ведро было маленьким, и несколько рыб, теснясь и трясясь, уже потеряли силы плавать. Жун Лоюнь огляделся и, чувствуя себя неловко, сказал:

— У меня нет чана.

Хо Линьфэн рассмеялся:

— Завтра я приведу брата, хочешь пойти со мной на рынок?

Жун Лоюнь подумал:

— Один чан, ты можешь купить его для меня.

Хо Линьфэн согласился:

— Хорошо.

Он закатывал рукава, продолжая:

— Тогда я выберу тот, что с изображением девичьих радостей, с шёлковыми юбками и нефритовыми холмами, думаю, господину дворца понравится.

Закончив, он поднял глаза, и в тусклом свете зала Жун Лоюнь покраснел от его слов.

Тогда он снова спросил:

— Хочешь пойти со мной?

Жун Лоюнь, смирившись, кивнул, чувствуя себя так, будто его заставляют сделать то, чего он не хочет. Хо Линьфэн, улыбаясь, попрощался, развернулся и, освещённый звёздами и луной, ушёл, оставив за собой шлейф уверенности.

Как только он ушёл, Безымянная обитель погрузилась в тишину.

Всё вокруг было так тихо, что казалось, будто мир затаил дыхание.

Жун Лоюнь вошёл в спальню, разделся и лёг на кровать, повернувшись, чтобы посмотреть на свою икру. Она была красной, с пятнами от пальцев, и когда он прикоснулся, она была горячей. Затем, словно по наитию, он коснулся своего лица, и оно тоже было горячим.

Неудивительно, что щека была холодной, когда он касался пола, ведь его лицо было слишком горячим.

Жун Лоюнь с грохотом упал на кровать, словно пытаясь проломить её, накрылся шёлковым одеялом и, свернувшись калачиком, в темноте сквозь зубы пробормотал:

— Ду Чжун.

Тем временем Ду Чжун уже добрался до Зала Цяньцзи, и только войдя в Бамбуковый сад, он вздохнул с облегчением.

Лестница в доме была старой, и каждый шаг по ней скрипел. Поднявшись на второй этаж, Хо Линьфэн вошёл в спальню. Он лёг на кровать, не снимая одежды, положив руки за голову, и постепенно расслабил тело.

Сегодняшний вечер был рискованным, если бы не его острый слух и быстрые руки, он бы попался Жун Лоюню. Чтобы скрыть свои действия, он говорил заботливые слова, чтобы всё выглядело правдоподобно, он сидел под навесом и массирует ногу.

Хо Линьфэн потирал брови, всё, что он делал, было прикрытием или лестью, но не искренним. Однако, когда он делал это... он не чувствовал нежелания, не испытывал неохоты, даже поддразнивание было для него удовольствием.

После долгих размышлений он ударил кулаком по кровати.

Закрыв глаза, он вспомнил самое важное — на лапке голубя было написано: «Тигр болен, пока не жди».

Тигр означал его, Хо Линьфэна, который был болен, что соответствовало его сообщению императорскому двору. Дворец Буфань действительно был связан с Чанъанем, либо сотрудничая с чиновниками, либо действуя как их агент. Он потянул за занавеску, время покажет, что делать дальше.

Прошла ночь, и на дереве гинкго в Безымянной обители осела утренняя роса, голубовато-серый голубь вылетел из клетки и сел на подоконник. В комнате рука свесилась с кровати, длинный палец слегка приподнялся, и голубь подлетел и схватил его, его бобовидные глаза забегали.

Жун Лоюнь снял записку, прочитал и усмехнулся. Неудивительно, что Хо Линьфэн до сих пор не появился, ведь тигр в Цзяннани стал больным котом.

Он встал, искупался и переоделся, надел узкую повседневную одежду и высоко завязал волосы. Ощущая бодрость, он уже собирался выйти, как заметил, что голубь не вернулся в клетку, а сидел на подоконнике и смотрел на него.

Он был озадачен:

— Ты пролетел всю ночь, иди ешь.

Голубь подпрыгнул, но не улетел. Жун Лоюнь торопился и, прищутив глаза, издал звук, похожий на кошачий:

— Мяу!

Голубь, решив, что враг близко, тут же взмахнул крыльями и улетел.

У третьих ворот Хо Линьфэн уже был, и держал в руках только что приготовленные в кухне лепёшки. Съев вторую, он вдруг увидел вдалеке Жун Лоюня, который ехал на маленьком ослике, медленно приближаясь, а его хвост развевался на ветру.

Он даже напевал себе под нос.

Когда тот подъехал ближе, Хо Линьфэн не смог сдержать смеха:

— Господин дворца, доброе утро.

Он посмотрел на морду осла, затем на Жун Лоюня:

— Ты ещё не завтракал, хочешь лепёшку?

Жун Лоюнь кивнул, он понимал, над чем смеётся этот парень, но на рынке было много людей, и большая лошадь не подходила, поэтому он выбрал осла. Хо Линьфэн, закончив смеяться, спросил:

— Ты ешь мясо или овощи?

Жун Лоюнь ответил:

— И то, и другое.

Хо Линьфэн просто отдал всё:

— Тогда возьми всё, я поведу осла.

Они вышли из дворца, в ясное утро, их тени были слабыми, один только ел лепёшки, а другой вёл осла уверенно.

Добравшись до рынка на западе города, где было много людей и лавок, Жун Лоюнь, проходя мимо, решил сойти с осла и идти рядом с Хо Линьфэном, разговаривая и останавливаясь у одного из прилавков.

Продавец был пожилой женщиной, её лавка была маленькой, но полной ручных изделий: шёлковых платков, заколок, вышитых туфель. Жун Лоюнь указал на вышитый шёлковый веер и предложил:

— Ты можешь купить один и подарить своей возлюбленной.

Хо Линьфэн задумался, его возлюбленная... кто это? Жун Лоюнь продолжил:

— Я заметил вчера, что Баоло всегда прикрывает лицо веером, так что если ты подаришь ей веер, она будет рада.

Хо Линьфэн понял, что следовать его советам действительно полезно, Жун Лоюнь даже давал советы, как друг.

— Спасибо за совет, господин дворца.

Он начал выбирать веер, но, будучи мастером в выборе оружия, он не мог различить эти вещи. Он не удержался и спросил:

— Господин дворца, какой тебе нравится?

Жун Лоюнь пробормотал:

— Тот жёлтый.

Хо Линьфэн вытащил его, белый веер с ручкой из персикового дерева, на котором была вышита ветка дерева гинкго. Пожилая женщина сказала:

— Этот дороже, вышивка с двух сторон требует много труда.

Перевернув его, он увидел, что на другой стороне был жёлтый веер с вышитой белой магнолией.

Два мужчины, один любил белые цветы магнолии, другой — жёлтые листья гинкго, оба были очарованы этим веером. Хо Линьфэн купил его, завернул и положил в сумку на осле, затем они продолжили прогулку.

Проходя мимо Дома Луньча, они услышали, как рассказчик на сцене начал историю, которая звучала знакомо. Хо Линьфэн присмотрелся и увидел, что человек на сцене, одетый в голубой шёлковый халат, был Ду Чжэн.

Он остановился, что этот глупец делал?!

Нельзя было винить Ду Чжэна, его хозяин, войдя во дворец, забыл о нём, и ему пришлось найти себе занятие. Рассказывать истории было легко, он просто говорил о забавных случаях с севера, и слушатели были в восторге, давая ему много денег.

Жун Лоюнь спросил:

— Ты его знаешь?

Хо Линьфэн, чувствуя неловкость, ответил:

— Мой брат...

Они вошли, чтобы выпить чай, сели у окна, и Жун Лоюнь внимательно разглядывал Ду Чжэна. Узкие плечи, тонкие глаза, по голосу было видно, что он не силён, обычный человек без боевых навыков. Затем он посмотрел на Хо Линьфэна, тот был спокоен, как сосна, и от костей до кожи не было ничего, что не было бы прекрасным.

[Отсутствуют]